

Александр Бестужев-Марлинский

Ночь на корабле

Александр Александрович Бестужев- Марлинский Ночь на корабле

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=647275
Морские были: Правда; М.; 1990*

Аннотация

«...Ветер свежал, валы разыгрывались сильнее и сильнее – фрегат наш быстро катился по темной пучине океана. Заря давно уже потухла на краю пустого небосклона. Кругом темнело – и только вдали чернелись мачты сопутного нам русского флота, только мерцали по кораблям фонари, будто звездочки. Я сидел на корме, на коронаде, и любовался великанскими валами, которые как будто наперерыв гонялись за фрегатом, достигали его и с журчанием, с плеском о него разбивались...»

Содержание

* * *

4

Конец ознакомительного фрагмента.

10

**Александр Александрович
Бестужев-Марлинский**
Ночь на корабле
*(Из записок гвардейского
офицера на возвратном
пути в Россию после
кампании 1814 года)*

*Английский фрегат «Flitch» («Стрела»),
6-й день пути.*

*Я помню прежних лет безумную любовь,
И все, чем я страдал, и все, что сердцу мило;
Желаний и надежд томительный обман.
Шумы, шумы, послушное ветрило!
Волнуйся подо мной, угрюмый океан!*

А.Пушкин

*** * ***

...Ветер свежал, валы разыгрывались сильнее и сильнее

– фрегат наш быстро катился по темной пучине океана. Заря давно уже потухла на краю пустого небосклона. Кругом темнело – и только вдали чернелись мачты сопутного нам русского флота, только мерцали по кораблям фонари, будто звездочки. Я сидел на корме, на коронаде¹, и любовался великанскими валами, которые как будто наперерыв гонялись за фрегатом², достигали его и с журчанием, с плеском о него разбивались. Фрегат вздрагивал при каждом ударе; клонился набок перед каждым напором ветра и снова вставал с треском и скрипом. Вахтенные матросы дремали по своим местам, и лишь однозвучное восклицание лейтенанта: «Steerboard! Backboard!» (право руля, лево руля) и вечный ответ: «Yes, yes» (слушаю!) повременно нарушал сторожой сон мореходцев. Я уже ознакомился с морскими опасностями и привык их не бояться. Притом равнодушие всех окружающих внушает спокойствие и самому робкому путешественнику; я беззаботно предавался мечтаниям под свистом ветра, и, между тем как взоры мои летали за брызгами сшибающихся валов, мысли стремились далеко, очень далеко.

– Опять мечтаешь! – сказал мне капитан фрегата Рональд, тихо ударив по плечу, – а любезные твои товарищи беспечно пируют с нашими моряками в кают-компании. Но скажи ис-

¹ Коронада – небольшая пушка.

² Фрегат – трехмачтовый военный парусный корабль; второй по величине после линейного корабля.

кренно, dear Alister³, куда и к кому летала теперь крылатая мысль твоя?

– Я упредил быстроту твоей стрелы, капитан! я уже был на родине, милый Рональд!

Но я опишу прежде, кто был этот Рональд.

Он шотландец; говорят, отличный офицер на море и на суше; высокого росту и стройного стана, русоволос и смугл: две редкие вещи в британской природе. Не красавец, но, право, если б я был женщиной, то трудно б было в него не влюбиться. Какая-то суровая грусть придавала бледному лицу его важность и занимательность. Его глаза сверкали редко, но видно было, что это зарево прежнего пожара страстей. Есть глаза, которые с первого взгляда вызывают откровенность и заверяют дружбу; таково было благородное лицо Рональда. Мы с первой встречи были уже друзьями.

– Я был на родине! – повторял я.

– Счастливцев! – сказал со вздохом Рональд. – Для тебя расцветает там будущее, но для меня оно нигде не существует.

– Ты несчастлив, Рональд? – спросил я, дружески пожав ему руку. Его тронуло мое участие. За это искреннее пожатие руки он заплатил мне таким взором, что, если этот взор приснится мне и в могиле, я наверно улыбнусь от удовольствия. Со всем тем нелюбовь к человечеству превозмогла, и он с горькою улыбкою повторил:

³ Дорогой Алистер (англ.).

– Несчастлив! люди так расточительны на выражения, что я боюсь показаться забавным, назвав себя только несчастливым. Говорят: как я несчастлив, что опоздал в театр, как я несчастлив, что не затравил зайца! Что ж сказать после этого мне, потерявшему все радости невосвратно и безнадежно?

– Ты любил, Рональд?

– Любил ли я?... какая ж иная страсть в наши лета может возвысить душу до восторга или убить ее до отчаяния! Честолюбие рождается уже в чаду потухшей любви; прилипчивое золото останавливает одну ползущую старость – юноша летит и любит. Ты сам любил, Алистер, и ты поймешь меня. Я стал чужой между одноземцами, товарищи не могут разуместь моих чувств; но у пылких душ одна отчизна, и я рад, что могу освежить свою разделом и высказать горе минутному другу, обитателю берегов невских; послушай.

Четыре года тому назад, как я ходил в Ост-Индию⁴ на военном корабле, конвоировавшем флот компании. На возвратный путь к нам флагманом назначен был контр-адмирал кавалер Астон, занимавший в Мадрасе место вице-губернатора и возвращавшийся тогда с семейством своим в Европу. Он избрал наш корабль для пребывания, и мы снялись с якоря, едва он ступил на палубу. Я уже слышался и о красоте старшей дочери Астона, но никогда не забуду той минуты, в которую ее увидел в полном блеске красоты и молодости.

⁴ Ост-Индия – так в старину называлась собственно Индия, в отличие от Вест-Индии – островов в Атлантике близ Американского континента.

Как теперь гляжу на нее, одетую в светло-зеленое платье с перламутровою пряжкой на поясе и в широкой соломенной шляпке; не умею выразить, что со мной случилось, когда я подал ей руку, чтобы помочь выйти из шлюпки, когда она поблагодарила меня взором и, покрасневшись, опустила длинные ресницы!.. Есть страсти, которые вспыхивают, как порох, и горят до конца, как свеча, — такая-то страсть вспыхнула и во мне, Алистер!

По счастью или по несчастью, меня, как младшего лейтенанта, назначили к адмиралу флаг-офицером, то есть в должность, равносильную адъютантской, которая требовала, чтобы я безотлучно находился при адмирале. Скоро я сделался у него домашним, еще скорее Мери ознакомилась со мною; уже она не краснела, встречаясь со мною взорами, — и нередко я заставлял их пристально устремленными на меня. Бывало, она садилась диктовать какую-нибудь бумагу по службе, и я не дивился, отчего в них так много пропусков и ошибок. Бывало, когда я сижу за рисованием, она склонялась через мое плечо посмотреть на рисунок, и карандаш трепетал в руке, как в груди трепетало сердце. Как любил я спорить с этою милою, остроумною Мери и как часто забывал свой предмет и доказательства, вперяясь в ее небесные очи! Сколько раз, безмолвен, в упоении и в забытии, сидел я за чайным столиком, любуясь каждым движением Мери и, кроме ее, ничего не видя и не слыша. Вся вселенная втеснилась для меня в каюту адмирала; в Мери забывал я всю все-

ленную. Три месяца восторгов пролетели как сон – и корабль наш бросил якорь у берегов Бразилии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.